

УДК 13+316.35+008.001

Брянская Т.И.

Этнокультурные особенности китайского сексизма

Ethnocultural features of the Chinese sexism

В статье исследуется природа китайского сексизма и выявляются его отличительные особенности в контексте конфуцианского представления о мире.

Ключевые слова: *Китай, сексистские установки, женщины, конфуцианство, этнические особенности сексизма*

The article is dedicated to the nature of the Chinese sexism and its distinctive features in the context of the Confucian conception of the world.

Key words: *China, sexist attitudes, women, Confucianism, ethnic characteristics of sexism*

Китай – страна традиций и в то же время быстрых перемен. Новое и старое в ней уживаются, переплетенные уникальным, присущим только Китаю образом, что делает изучение китайской культуры чрезвычайно интересным и актуальным. Поступательное развитие китайской культуры никогда не прерывалось. Идея «китайского» превалировала даже в периоды иностранного правления; ее не могли поколебать ни притоки не-китайских народов в Китай, ни мощные по силе своего воздействия идеи буддизма и западной мысли. Важнейшим аспектом наследия Китая, не потерявшего своего значения по сей день и продолжающего играть большую роль в жизни современного китайского общества, являются конфуцианские принципы социального поведения, в частности, в сфере гендерных взаимоотношений.

Цель данной статьи – попытка исследовать природу китайского сексизма и определить его отличительные особенности в традиционном контексте. То есть, предполагается показать специфику сексизма в контексте конфуцианского представления о мире, которое соответствует культурной динамике, радикально несходной с нашей.

БРЯНСКАЯ Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, заведующая кафедрой социальной антропологии Дальневосточного Федерального университета, (г. Владивосток).
E-mail: zikkurat@human.dvfu.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект 1840 «Нациестроительство, этнос и национализм в формировании многополярного мира: анализ ситуации в АТР»

Методологической основой работы является интегративный подход, сочетающий принципы историзма с методами философского и культурологического анализа исследуемого феномена. Его применение требует выхода за рамки сложившихся представлений, что позволит китайской традиции «говорить за себя». Традиционно данная проблематика рассматривалась в рамках культурологической парадигмы. Но, с одной стороны, концепт культуры сегодня неопределенно широк, а с другой стороны, он оказывается более конкретизированным. Поэтому подход с позиции этнического позволяет рассмотреть данное явление в более широком контексте, в том числе, в русле традиций китайской культуры, социалистических преобразований в стране, открытости Китая миру сегодня. Мы попробуем выделить те условия китайского культурного опыта, которые определяют особенности китайских форм сексизма, не претендуя на то, чтобы полностью разгадать все его подтексты.

Публикации на интересующую нас тему, как зарубежные, так и отечественные, весьма немногочисленны, их авторы часто оценивают китайский опыт с помощью западных моделей, не уделяя достаточно внимания культурно-историческим различиям, которые необходимо учитывать при обсуждении социальных институтов в китайской традиции.

Дж. Белден, автор книги «Китай потрясает мир», опубликованной в Америке в 1949 году, отмечает, что за последние три тысячи лет политическая власть в Китае тесно связана с женским вопросом. Ссылаясь на историю первобытных обществ, Белден пытается выяснить роль, которую женщины играли в борьбе за власть в Китае. В части «Восстание женщин» он пишет: «Патриархальное китайское общество было основано на том, что старейшины владели женщинами в качестве материального источника богатства. На протяжении всей истории обладание женщинами было сосредоточено в руках сельских имущих классов, Самые большие семьи всегда были у джентри, а не у простых крестьян. Простой крестьянин редко когда имел больше одной жены, зато у вождей и помещиков было много жен, наложниц и рабынь, которые не только производили богатства для помещика своим трудом, но и рожали многочисленных сыновей, а это давало джентри местную политическую власть.»[1, с. 6].

В провинции Хэнань автор видел помещика, семья которого насчитывала 69 человек, Через посредство своей семьи он осуществлял контроль над 700 арендаторами, 30 рабынями, 200 бездомными крестьянами и 7 кормилицами, которые обслуживали его многочисленное потомство. Он мог покупать и продавать женщин, благодаря богатству, и сила его заключалась в том, что он владел женщинами [1, с. 6].

Белден указывает на то, что неравенство женщин нашло также глубокое отражение в китайской философии и религии. «Китайские метафизики считают, что в жизни действуют две силы: Ян, или господствующий мужской элемент, и Инь – подчиненный женский элемент. Таким образом, философы правящих классов установили как закон, что женщины должны уступать мужчинам». Перефразируя миссионера Артура Смита, Белден говорит о том, что «конфуцианство практически допустило семь смертных грехов против женщины:

1. Китайским женщинам не дают никакого образования, и по умственному развитию они остаются в естественном состоянии, причем миллионы женщин считаются совершенно неразвитыми.

2. Жен и дочерей продают так же просто, как рогатый скот и лошадей.

3. Принудительный брак, действующий в отношении всех женщин, сковывает китайское общество железной рутинной и не оставляет места для индивидуального развития.

4. Внебрачное сожителство является естественным результатом конфуцианских обычаев почитания предков, требующих, чтобы сыновья воспитывались для того, чтобы почитать умерших родителей.

5. Поскольку женщины не могут выполнять функции почитателей предков, родители часто убивают своих дочерей.

6. Система взаимоотношений в семье привела к тому, что жены и дочери кончают самоубийством, и высокий уровень смертности является достаточно убедительным доказательством печальной судьбы китайских женщин.

7. Наконец, культ почитания предков и неравенство женщин содействуют перенаселенности стран» [1, с. 7].

На наш взгляд, данная критическая точка зрения более зависит от современных идеологических допущений, чем от взгляда на всю долгую историю Китая, и представляет китайскую женщину как угнетенную, лишенную юридических прав, стреноженную повязками на ногах, душой и телом служащую мужу и семье.

Здесь уместно упомянуть статью американского социолога Андреа Дворкин «Гиноцид, или китайское бинтование ног», основанной на материалах работы Ховарда С. Леви «Китайское «бинтование ног». История причудливого эротического обычая», и часто цитируемую феминистскими исследователями. Современному человеку трудно сохранять трезвость и объективность мышления, зная все подробности и имея перед глазами результат процесса бинтования. «Успех или неуспех «бинтования ног» зависел от умелого наложения повязки около 5 см в ширину и 3 метров в длину, которая оборачивалась вокруг ноги следующим образом. Один конец закрепляли на внутренней стороне стопы и далее тянули к пальцам ног таким образом, чтобы подогнуть их внутрь подошвы. Большой палец оставался свободным. Повязку сильно стягивали вокруг пятки, чтобы она и пальцы оказались как можно ближе друг к другу. Затем этот процесс повторялся, пока повязка не была полностью наложена. Ступня ребёнка подвергалась принудительному и постоянному давлению, поскольку целью являлось не только ограничение развития ступни, но и сгибание пальцев под ступню, а также максимально тесное сведение пятки и подошвы... Иногда плоть загнивала под повязкой, а иногда часть ступни отваливалась, палец или даже несколько пальцев атрофировались» [2, с. 15]. Дворкин приходит к выводу о том, что это было «искусство» превращения живого в бесчувственное и мёртвое, и в данном случае речь идет о фетишизме и сексуальном психозе. По ее мнению, мышление женщин, прошедших обряд «бинтования ног», было таким же неразвитым, как и их ступни. «Здесь соединились воедино политика и мораль, чтобы произвести на свет их неизбежного отпрыска – угнетение женщин, основанное на тоталитарных стандартах красоты и необузданном фетишизме в сфере секса... Здесь один пол калечил другой в интересах эротики, гармонии между мужчиной и женщиной, распределения социальных ролей и красоты» [2, с. 25].

Столь жесткий заключительный комментарий автора обусловлен, как нам кажется, представлениями радикального варианта западного феминизма. Допуская, что этот стереотип, как и большинство других, несет свою долю правды, все же следует подчеркнуть, что он вызывает ряд вопросов. Какие факторы формировали статус женщины в Китае? Как сами китайские женщины оценивают свое положение? Существовали ли сферы, в которых женщины могли выходить за рамки предписанных им ролей? Насколько обоснованно наше обычное восприятие отношения китайцев-мужчин к своим женщинам?

Важно рассматривать обычай бинтования ног без критики и не с высоты настоящего времени, только так возможно понять символичность

и социальное значение обычая. Причин возникновения его, скорее всего, несколько. Неодинаковые вещи для различных людей. Происхождение может быть воспринято как средство сексуального доступа императора к своим женщинам, когда соблюдалась гарантия их преданности, целомудрия, особенно в свете конфуцианских воззрений, но не только. Семья в Китае была, и остается, важной организационной единицей общества. Семья и государство практически одно и то же. Императорская семья рассматривалась как образцовая модель для элитных семей. Свобода жен и наложниц императора была полностью ограничена и эти стандарты соблюдались во всех богатых семьях.

В обществе с культом женского целомудрия самая главная цель состояла в том, чтобы ограничить движение женщин. Мучительное и непрерывное уродование ног приводило женщину к понятию конфуцианской морали контролирования своих чувств, полной зависимости женщины от своей семьи.

Было ли сохранение семейных традиций единственной важной социальной функцией бинтования? Как нам кажется, нет. Попробуем предположить некоторые другие:

1) Обычай ограничивал действие социальных лифтов. Бедная семья не могла позволить себе бинтование ног дочери. Соответственно, независимо от красоты лица и тела, у бедной девушки не было шансов на богатого мужа. Данный фактор служил усилению процессов концентрации капитала и препятствовал его дроблению, то есть благоприятствовал коммерциализации.

2) Обычай стал маркером национальной идентичности, в значительной мере выполняя роль национальных границ. В сложный период завоевания Поднебесной монголами, чжурчжэнями, маньчжурами он сплачивал китайцев Хань и способствовал сохранению осознания своей культурной самобытности, а в дальнейшем также препятствовал феодальной раздробленности. В самоопределении китайцев Хань среди других этнических групп бинтование выступало своеобразным отражением культурного превосходства, символом конфуцианской этики, дочернего почтения и женской добродетели. Нельзя сказать, что бинтование было исключительно насильственной процедурой. Ведь многие девушки мечтали о «золотом лотосе» (так назывались женские ноги после операции бинтования – прим.автора), достижение заветных 7.5 сантиметров было поводом для гордости всей семьи. Девушки с такими ногами пользовались уважением.

Маньчжурские девушки, которым было запрещено бинтование, даже придумали специальную обувь, которая позволяла бы имитировать походку лотоса. (в Тайване отголоски традиции сохранились до сих пор. Воспитанная девушка, при необходимости демонстрировать особое почтение родителям жениха, будет слегка имитировать эту походку).

3) Практически давая гарантии на хорошее замужество (бинтование было важнее внешности), обычай тем самым компенсировал недостаток рождения девочки. Это позволяло избежать значительных гендерных перекосов.

Приведем данные исследований еще одного западного исследователя гендерной культуры в Китае. Известный американский антрополог Марджери Вулф последовательно доказывает в своих работах, что в течение нескольких тысячелетий женщина в Китае была объектом грубейшей эксплуатации мужчин-угнетателей и ее жизнь была цепью нескончаемых страданий. Заклейменная традиционными ценностями как слабая, робкая, социально и политически некомпетентная, развращенная и низменная, женщина с покорным смирением «ковыляла» сквозь существование [6].

Вулф, предполагая осуществление феминистской революции в Китае, обращается к примеру героини Цзян Цин. Нонконформистка, жаждущая поломать семейные связи, рвущаяся к образованию, отличающаяся в политике яростным национализмом и радикализмом, равнодушная к сентиментальности, эта женщина нацелена на то, чтобы выжить на своих условиях [6].

Содержание модели освобождения китайской женщины у Вулф бессознательно отражает культурные предпосылки ее собственного опыта американской женщины. Она разделяет идею западных феминисток о том, что пол существует вне рамок культурных различий, т.е. что существует некая универсальная категория женщины [5]. Согласно ее представлениям, любой возможный для китайца альтернативный тип самореализации (независимо от того, относится это к мужчинам или женщинам), пользующийся собственным словарем отношений, взаимозависимости, иерархических ролей, дополняемости и различия, неправомочен. Единственный и универсальный стандарт оценки самореализации должен базироваться на автономии, независимости, равенстве и свободе, заложенных в представлениях «белого», либерально-демократического, индустриального Запада. Эта модель личной реализации обещает китайской женщине, как и всем остальным женщинам в мире, окончательное освобождение от ее сексистских затруднений.

Но каковы основания для такой феминистской критики китайской культурной традиции? Почему делается вывод о негативности и репрессивности взаимозависимой «зависимости» женской роли в Китае? По мнению Роджера Т. Эймса и Дэвида Л. Холла, подобный неумышленный культурный шовинизм представляет собой вариации на ту же тему, т.е. нежелание принимать другую культуру на ее условиях, по иронии, близкородственно шовинизму, который подчиняет один пол другому [3, с. 81]. И чтобы избежать его, нам необходимо быть точными не только в описаниях, но и в прилагаемых стандартах наблюдения.

Марджери Вулф настаивает на том, что «если... сравнение женщин с мужчинами считалось в эпоху Мин радикальной идеей, то феминизм как учение, пропагандирующее социальное и политическое равенство мужчин и женщин, был немислим» [6, р. 4]. Хотелось бы обратить внимание на очень важное замечание, которое делает здесь Вулф. Думается, что китайское чувство мирового порядка так радикально отличается от нашего, что сексуальное равенство было «немислимо» не просто потому, что угнетатель не хотел осуществлять его, а потому, что подразумеваемая Западом идея «равенства», основанная на понятии сущностной идентификации, не имеет никакого значения в китайском традиционном способе мышления и, следовательно, ее буквально нельзя помыслить.

Известный французский китаист Жак Жерне убедительно доказывает, что, когда две великие цивилизации – Китай и Европа, развивавшиеся почти совершенно независимо друг от друга, впервые вступили в контакт около 1600 г., видимая неспособность китайцев понять христианство и философскую доктрину, лежащую в его основе, объяснялась не различием встретившихся интеллектуальных традиций, а более глубинными различиями мыслительных категорий и способов мышления и в особенности фундаментальным расхождением концепций человеческой деятельности [4, р. 3-4]. Многие из того, что христианство и западная философия могли сказать китайцам, было для них просто бессмысленным. Чтобы исследовать китайскую традицию, мы, конечно, должны быть готовы к странному, причудливому и даже непостижимому.

На наш взгляд, существует параллель между поисками сексизма в китайской культуре и поисками «религии», «науки» или «философии».

Не желая оправдывать китайский сексизм, мы полагаем, что любое обсуждение китайского опыта должно исходить из понимания специфического конфуцианского чувства порядка в том мире, в котором укоренено различие полов – порядка, отличного от того, что преобладает в нашей традиции.

В первую очередь следует признать, что несопоставимые представления о мировом порядке – логическое и эстетическое – более фундаментальные и всепроникающие, чем различие полов, обусловили сексистские отношения и в китайской, и в западной традиции и могут служить инструментом сравнения. И поскольку отличие полов – лишь одно из социальных выражений фундаментально иного ощущения миропорядка, оно может быть использовано, чтобы резче сфокусировать сексистские отношения, преобладающие в нашем мире, и создать контраст между ними и присущими именно конфуцианству формами сексизма.

Таким образом, наше ощущение миропорядка, корнями уходящее в досократовский поиск основополагающего, склоняется к космогонии, предполагает существование первоначала и выделяет основной, неизменяемый принцип, который является причиной происхождения вещей и всего, что от него исходит. Отсюда господство линейных, причинных объяснений. Такой взгляд на мир подразумевает главенство трансцендентального принципа, направленного сверху вниз, дисциплинирующего порядка, который может быть опознан как единство независимо от того, существует он вне нас как божество или внутри как костяк нашей сущностной природы. Он данность, источник порядка, независимого от наших собственных действий и опыта.

Жак Жерне, сравнивая обе традиции, замечает: «По Аристотелю, естественное состояние всех вещей – покой, тогда как для китайцев первичным предположением будет универсальный динамизм» [4, p. 210].

Описывая в основном неудавшееся общение иезуитов-миссионеров и китайских интеллектуалов, Жерне относит взаимное непонимание на счет этого контраста между принятым в нашей традиции и навязанным извне порядком и китайским предположением, что порядок имманентен и неотделим от спонтанно меняющегося мира. Именно по этой причине китайцы не нуждаются в божестве, обладающем волей: «Веря, что вселенная обладает собственными принципами организации и собственной творческой энергией, китайцы утверждали нечто совершенно скандальное с точки зрения схоластического рассудка, а именно, что «материя» сама обладает сознанием, не тем, естественно, сознательным и рефлектирующим пониманием, как мы его обычно мыслим, но спонтанным сознанием, которое делает возможным соединение «инь» и «ян» и руководит бесчисленными комбинациями этих противоположных источников энергии» [4, p. 210].

Инь и ян (или, альтернативно, Небо и Земля, или цян и кунь) – коррелятивные модальности, выражающие взаимность, взаимозависимость, разнообразие и творческую мощь динамических отношений, которые имманентны миру и сообщают ему образ и ценность. Весь спектр различий в мире – интеллектуальное и физическое, перемены и последовательность, качество и количество, благородство и низость, факт и оценка, сущность и случайность – можно объяснить через эти комплементарные отношения. Хотя между комплементарными аспектами существует иерархическое различие, на более фундаментальном уровне эти противоположные модальности вечны и неделимы. Они не универсальные принципы, которые выражают сущностные черты явлений, а творческое напряжение между различиями, которое делает конкретные вещи в мире доступными пониманию. Здесь важна первичность частного. Однородные предметы выделяются не в терминах их сущностей

или естественных родов, а в терминах их сходства со многими другими – фамильного сходства. Поэтому описание любого частного явления не сводится к выявлению некоего основополагающего, определяющего и порождающего принципа (сведения множества к единству), а достигается распутыванием отношений и условий в контексте этого явления и его многочисленных корреляций. Это единство, заставляющее вспомнить о множестве. Каждый феномен, предполагая другие подобные феномены, обладает многовалентностью поэтических образов. Инь и ян всегда бывают восприятием и интерпретацией с определенной точки зрения, с которой обращающие на себя внимание детали складываются в уникальные композиции.

В конфуцианском мире этими композициями являются семьи и общества, а динамической грамматикой – исполнение обычаев, выраженных через социальные роли. Предпосылкой конфуцианства традиционно считалось то, что личный, семейный, политический и, наконец, космический порядки соотносимы и взаимозависимы и что, с точки зрения человека, порядок возникает в процессе саморазвития и самовыражения человека. Порядок начинается здесь и продолжается там.

Объяснение творческого процесса в терминах взаимодействия комплементарных противоположностей для этой традиции – основополагающее. Поскольку в ней нет западных дуализмов, которые устанавливают онтологическое разделение между определяющим принципом и его определяемым, взаимосвязанность и взаимозависимость всех вещей выдвигают здесь коррелятивный метод объяснения порядка в мире.

Таким образом, этнические особенности китайского сексизма в определении мужских и женских ролей мы находим именно в разнообразии взглядов на мир. Эту возникающую эстетическую композицию можно распознать в динамике, лежащей в основе конфуцианского общества; модели поведения, которые наиболее соответствуют определению отношений между правителем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой, – вот «три связи» конфуцианского общества. Это и есть контекст различия мужчина – женщина, которое будет являться в дальнейшем предметом нашего пристального внимания.

Литература

1. Белден, Д. Восстание женщин //Китай потрясает мир. Книга 2.-М.: Бюллетень ТАСС, 1952/ С.4-15.
2. Дворкин, А. Гиноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории. Сб. пер. /Сост. и комментарии Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Мн.: Профилен, 2000/ С.14-28.
3. Эймс, Р.Т., Холл, Д.Л. Китайский сексизм: пропедевтика.//Феминизм: Восток. Запад. Россия / Отв. ред. М.Т. Степанянц, М, 1993. С.77-107.
4. Gernet, J. China and Cristian Impact. Cambridge, 1985.
5. Mohanty, С.Т. Under Western Eyes: feminist scholarship and colonial discourse. Boundary 2 (Spring/Fall).1984.
6. Wolf, M. and Witke, R. (eds.). Women in Chinese Society. Stanford, 1975.